

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ДОКТОРУ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРУ
В.М. ЛЕБЕДЕВУ

Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович!

Прошел год мучительных душевных страданий, нескончаемых слез с того Трагического момента, когда в результате злодейского убийства навсегда оборвалась жизнь наших детей — дочери моей Марии и ее жениха Александра Панакова. А кажется, что это случилось только вчера... время спрессовалось, оно остановилось для всех нас.

Пролита невинная кровь. Детей больше нет, убита их молодая жизнь, навсегда ушла надежда вновь увидеть их. Мы все — родители и близкие остались наедине со своим горем. Мы обречены жить с неутихающей болью в сердце до конца дней своих.

А что убийцы? Они живы. Суд милостиво подарил им жизнь, надежду выйти на свободу. К сожалению, не состоялось Праведного Суда. Где Справедливость? Где Правда? — вопрошаю я себя вновь и вновь. Есть ли они или возможны ли они вообще на этой земле. Или это прерогатива только Всевышнего? Кто виноват в том, что Зло и Неправда торжествуют? Что необходимо сделать для того, чтобы изменить ситуацию на прямо противоположную? И возможно ли это в принципе?

Передо мной лежит Приговор Областного суда от 28 ноября 2002 года по делу 2-199/02, который приговорил убийц, совершивших жестокое кровавое злодеяние — убийство Марии Добреньковой и Александра Панакова, — Палескова к 19, Лосева к 20, Джафарова к 21, Махова к 20, Чувашова к 18 годам лишения свободы с конфискацией имущества и содержанию в исправительной колонии строгого режима.

Ознакомившись с Приговором, я хочу высказать свои впечатления и выводы относительно хода судебного разбирательства и дать оценку приговора в части, касающейся вы-

несенных судом мер наказания виновным в тягчайшем преступлении. И хочу, чтобы моя точка зрения была известна Вам как Председателю Верховного суда и членам коллегии.

Прежде хочу заметить, что никаких сколько-нибудь существенных формальных претензий к ходу судебного разбирательства у меня нет. Судебное расследование было проведено профессионально, с соблюдением всех необходимых процедур, предусмотренных новым Уголовно-процессуальным кодексом.

Однако, непонятно, необъяснимо, что Приговор суда в части конкретных мер наказания Палескову, Лосеву, Чувашову, Джафарову, Махову не соответствует тем выводам, которые сделал сам суд в результате тщательного и длительного повремени разбирательства. Он нелогичен и не вытекает из результатов разбирательства, к которым пришел сам Суд. **Назначенное судом наказание виновным считаю абсолютно ничем необоснованным, чрезмерно мягким, не соответствующим ни тяжести совершенного преступления, ни степени общественной опасности совершенного преступления, ни данным о личностях осужденных.**

Приговор суда в части вынесенного наказания обвиняемым **нарушает принцип социальной справедливости**, так как мера наказания, вынесенная всем участникам преступления, не соответствует ни характеру, ни тяжести совершенного ими злодеяния. Мера наказания не адекватна совершенному преступному деянию.

Считаю абсолютно правильным и обоснованным предложение Государственного обвинителя — прокурора Зиновой С.Н. — о мерах наказания обвиняемых: Джафарова, Лосева, Махова приговорить к пожизненному заключению, а Палескова, Чувашова — к 25 годам тюремного заключения.

Как явствует из Приговора, суд в результате разбирательства пришел к следующим выводам: «С учетом установленных обстоятельств дела судебная коллегия квалифицирует содеянное Палесковым, Лосевым, Джафаровым, Маховым и Чувашовым по факту завладения имуществом потерпевших по пп. «а», «б», «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ, предусматривающей ответственность за разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни, с при-

менением оружия и предметов, используемых в качестве оружия, организованной группой, с целью завладения имуществом в крупном размере, с причинением тяжкого вреда здоровью пострадавших, Джафаровым, имевшим неснятую и непогашенную судимость по приговору суда от 12 ноября 2001 года по ст. 158 ч.1 УК РФ, к тому же — неоднократно.

Ими же совершенные действия по эпизоду лишения Панакова и Добренковой жизни подлежат квалификации по пп. «а», «д», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, то есть умышленное причинение смерти двум лицам, с особой жестокостью, организованной группой, сопряженные с разбоем; действия, выразившиеся в незаконном обороте оружия, — по ст. 222 ч. 3 УК РФ как незаконное приобретение, ношение, хранение и передача огнестрельного оружия и боеприпасов, совершенные организованной группой».

Логично было бы предположить, что, основываясь на этих выводах, Суд в соответствии с УК РФ только по одной ст. 105, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 должен был бы приговорить всех обвиняемых к высшей мере наказания — смертной казни, но в условиях так называемого «моратория» на смертную казнь, по крайней мере, обязан был приговорить их к альтернативной мере наказания — пожизненному заключению. Ведь совершенно очевидно, что никаких юридических препятствий для вынесения такого наказания, основываясь на выводах, к которым пришел сам Суд, не было, но Суд не сделал этого.

Далее, абсолютно непонятны принципы, критерии, по которым осуществлялась арифметическая процедура назначения конкретных сроков тюремного заключения каждому из обвиняемых по совокупности преступлений, совершенных ими. Если строго и последовательно руководствоваться ст. 69, ч. 3 УК РФ, то, например, Палескову, учитывая, что одно из трех преступлений, совершенных им, является особо тяжким, следовало бы окончательное наказание назначить не путем **частичного** сложения наказаний, а **полного** сложения. При таком подходе необходимо исчислять наказание Палескову лишением свободы сроком (11, 17, 5) на 33 года, а учитывая в соответствии со ст. 69, ч. 3 УК РФ то, что окончательное наказание в виде лишения свободы не мо-

жет быть более 25 лет, необходимо было бы приговорить его по крайней мере к 25 годам.

Совершенно очевидно, что **меры наказания, вынесенные Судом, очень субъективны и произвольны**. Ведь не случайно в ст. 69, ч. 3 УК РФ предусматривается выбор между частичным и полным **сложением** наказаний, который определяется характером совершенного преступления. Суд не просто не учел, а проигнорировал то, что одно из совершенных обвиняемыми **преступлений особо тяжкое**, а это означает, что применение частичного сложения наказаний по совокупности преступлений является неправильным и его нельзя использовать в этом случае. Поэтому я считаю, что Суд нарушил ст. 69, ч. 3 УК РФ. При таком субъективном подходе к трактовке этой статьи судья Романова Т.А. могла вынести любое наказание и даже меньшее, чем она сделала. Никаких четких критериев — почему был сделан именно этот выбор и принято такое решение — никак не просматривается.

Не может быть оправданием такого рода вольная трактовка арифметических процедур и слишком мягкое наказание, вынесенное Судом всем участникам преступления, приведенные им в Приговоре так называемые смягчающие обстоятельства. Разве можно всерьез воспринимать выдвинутые Судом в качестве смягчающих обстоятельств то, например, что Палесков, Лосев, Махов, Чувашов «являются лицами ранее не судимыми», что «совершили преступление фактически едва переступив порог совершеннолетия», что Чувашов «наблюдается в онкологическом диспансере», а Палесков «страдает наркоманией».

Разве можно рассматривать явку Чувашова в милицию как смягчающее обстоятельство, если она была сделана под давлением обстоятельств и в ходе судебного разбирательства было установлено, что он ни в ходе предварительного следствия, ни в ходе судебного разбирательства не проявил активности при раскрытии преступления, не только никого не изобличил из других соучастников преступлений, но напротив, всячески их покрывал. Поэтому, руководствуясь ст. 61, ч. 1, п. «и», нельзя считать его явку в милицию явкой с повинной и смягчающим обстоятельством.

Разве могут все эти приведенные судом обстоятельства в качестве смягчающих оправдать жестокое, зверское, кровавое злодеяние, совершенное ими, — убийство невинных? Разве можно так цинично выгораживать, оправдывать убийц?

Разве можно, характеризуя личности преступников, ссылаться на то, что «по месту жительства последние характеризуются положительно». Разве Суду неизвестно, а это было установлено в ходе разбирательства, что Джафаров, признавшийся в убийстве Марии Добренковой, на следующий день после совершения преступления, получив плату в 100 долларов за убийство, купил на эти деньги проститутку и всю ночь пьянствовал в сауне и занимался блудом. Это ли не факт, который ярко характеризует нравственное падение и деградацию личности Джафарова.

Разве в ходе судебного разбирательства не было установлено, что все лица, совершившие преступление, фактически на момент их задержания не имели никаких определенных занятий, «бомжевали», занимались мелким разбоем, пьянствовали, употребляли наркотики. Не могу упрекнуть в некомпетентности Суд, но ни одно из смягчающих обстоятельств, приведенных Судом, не соответствует ни одному из пунктов ст. 61 УК РФ. Все это скорее говорит о субъективности Суда и явной предвзятости. Суд старался всячески найти любые предлоги, чтобы смягчить наказания виновным, откровенно занял позицию выгораживания преступников. Теперь понятным становится тот факт, что суд не опирался в своем решении на ст. 63, ч. 1, пп. «в», «и», «к» УК РФ и не учел при вынесении приговора **исключительных обстоятельств, отягчающих наказание.**

При вынесении приговора Суд вообще не принял во внимание и не отметил в Приговоре, что **никто из обвиняемых не выразил раскаяния** в содеянном, что их поведение на суде было вызывающим, они глумились над пострадавшими, демонстрируя полную уверенность в том, что они сурового наказания не понесут.

До какой же наглости надо дойти, чтобы не только не раскаиваться в изобличенном убийстве, но еще и требовать снисхождения к себе, апеллируя, как это ни странно, к Зако-

ну и жалости судебной коллегии. Какие душевные муки испытывали все пострадавшие, когда на наших глазах творилось несправедливое деяние, вершилось кощунство — Суд забывает о жертвах, которые безмолвны и ничего не могут сказать за себя, не думает о потерпевших, а делает все, чтобы найти какие-то аргументы, чтобы снизить меру наказания убийцам, чтобы оправдать убийство, совершенное ими. Своей беспринципностью Суд провоцирует преступников на обжалование даже этих мягких приговоров и поддерживает в них уверенность в том, что при наглом напоре они могут добиться этого.

Я считаю, что при определении меры наказания состоявшийся суд нарушил ст. 43, ч. 2 УК РФ, которая обязывает суд при разбирательстве и вынесении Приговора руководствоваться целями **восстановления социальной справедливости и предупреждения новых преступлений**. В этом главное предназначение Суда.

Можно ли считать справедливым Суд, если он своим Приговором оставляет жизнь убийцам и выносит очень мягкое наказание за злонамеренное преступление — двойное убийство с отягчающими обстоятельствами — заранее спланированное, организованной группой, из корыстных побуждений, со зверским применением холодного и огнестрельного оружия? Нет, нет и нет.

В чем же выразилась несправедливость Приговора суда?

Во-первых, в том, что полностью проигнорированы права жертв преступления, неправильно оценено преступное деяние, которое насильственно лишило невинных жизни, отняло у жертв их право на жизнь; во-вторых, принятое решение суда не учло права потерпевших и причинило страдание невинным — родным и близким жертв, не восстановив Справедливость, не дало им никакого утешения, оно морально убило их, навсегда лишив радости жизни; в-третьих, решение суда неправильно, ошибочно по сути — виновные избежали заслуженной кары. Мера наказания, вынесенная им Судом, неадекватна тяжести совершенного преступного деяния. Нельзя уравновесить на весах богини Правосудия Фе-

миды убийство и тюремное заключение, отнятую жизнь, смерть жертв и подаренную Судом жизнь убийц. Данная ошибка по своей весомости и значимости равнозначна ошибке, когда суд приговаривает невиновного к смертной казни. Ненаказуемое должным образом преступление является не просто ошибкой, а самым настоящим преступлением со стороны Суда и более тягчайшим, чем преступление, совершенное убийцами. Преступление против человека совершает не только тот, кто проливает невинную кровь, но и судьи, если они своими безответственными действиями встают на путь оправдания злодейства. Суд не имеет права на такие ошибки. В-четвертых, это решение создает реальную возможность угрозы безопасности других граждан, а значит, представляет общественную опасность, так как убийцы, приговоренные к различным срокам тюремного заключения, могут оказаться на свободе и могут снова продолжать убивать.

Вынося несправедливый приговор убийцам, оставляя им жизнь и надежду вновь обрести свободу, суд фактически одобряет убийство, «освящает» по сути осуществленную ими казнь невинных жертв, и не только их, но и казнь близких и родных, обрекая их на медленное и мучительное истязание, на каждодневную муку. Парадоксальность «мягких» приговоров как раз заключается в том, что они являются своеобразным **приглашением к новым убийствам**. Порочная судебная практика вынесения чрезмерно мягких приговоров за убийства, которая сложилась сейчас в России, провоцирует потенциальных преступников и как бы убеждает их — убивайте, убивайте, убивайте — вам за это ничего не будет — вы будете жить. Такая безнаказанность и несправедливость каждодневно порождает новые преступления, новые убийства.

Мы вправе задать себе вопрос — каков способ и какова мера наказания, которые социальная справедливость делает для себя принципом и мерилom? Единственный принцип — это принцип равенства (в положении стрелки на весах справедливости), согласно которому Суд склоняется в пользу одной стороны не более, чем в пользу другой. Тысячу раз прав великий немецкий философ И. Кант, который считал,

что если кто-то убил человека, то он должен умереть. «Здесь нет никакого суррогата для удовлетворения справедливости. Жизнь, как бы тягостна она ни была, **неоднородна** со смертью; стало быть, нет и иного равенства между преступлением и возмездием, как равенство, достигаемое смертной казнью преступника, приводимой в исполнение по приговору суда, но свободной от всяких жестокостей, которые человечество в лице пострадавшего могло бы превратить в устрашение». «Лучший уравнитель перед общественной справедливостью — смерть».

«Сколько есть преступников, совершивших убийство, или приказавших его совершить, или содействовавших ему, столько же должно умереть; этого требует справедливость как идея судебной власти согласно всеобщим, априори обоснованным законам».

Зло должно судить и только по справедливости. Справедливость должна быть карательной. Судья должен по строгому праву возмездия выносить приговор всем виновным соразмерно с внутренней злостностью преступления. Каждый из убийц должен был получить то, что заслуживает его преступное деяние, — смертную казнь. И Суд, который не настоял на таком решении, фактически берет на себя вину за кровавые злодеяния, совершенные убийцами, и в этом случае его надо рассматривать как соучастника публичного нарушения справедливости. Суд, который не способен карать по законам справедливости, становится в конце концов сообщником преступления. Хочет он того или нет, но, вынося несправедливое решение в отношении наказания преступников, он становится на позицию их оправдания.

Только в соответствии с чистой и строгой справедливостью, только руководствуясь правом возмездия, осуществляющегося в рамках правосудия, можно точно определить качество и меру наказания.

Возникает естественно вопрос — почему сейчас в нашем обществе, государстве преобладает практика вынесения мягких приговоров? Почему судьи действуют не по букве закона, а всегда пытаются найти нечто такое, что позволило бы смягчить приговор и избавить преступника от

заслуженного наказания? Откуда такая слезливая жалостливость и псевдогуманность? Хотел бы я посмотреть на судью Т.А. Романову, как бы она повела себя, если бы с ее дочерью произошло то, что случилось с моей дочерью. Какие она нашла бы смягчающие обстоятельства в отношении преступников, посягнувших на жизнь ее дочери? Иногда складывается впечатление, что судьи боятся выносить строгие приговоры, боясь упреков со стороны общества, что они стыдятся или боятся быть справедливыми. Конечно, для этого надо обладать мужеством и смелостью, независимостью суждений, чтобы заставить общество и всех окружающих признать, что наказание никогда не бывает чрезмерно жестоким, оно должно быть всегда справедливым. Жестоким является лишь само преступление и особенно, если речь идет об убийстве человека.

После суда первой моей реакцией было яростное возмущение несправедливостью принятого решения и стремление немедленно обжаловать его в Верховном суде Российской Федерации, что я и сделал, послав в Ваш адрес кассационную жалобу 29 ноября 2002 года, на следующий день после вынесения Приговора.

По настоятельным просьбам всех моих близких и родных, которые убедили меня в том, что даже при благожелательном отношении к моей просьбе, изложенной в кассационной жалобе, при всей Вашей объективности, Вы все равно ничего не можете — кроме того, чтобы снова вернуть дело на новое судебное разбирательство в ту же самую судебную инстанцию, а мои близкие не хотят, чтобы еще раз над ними глумились адвокаты и убийцы, — **я отзываю свою кассационную жалобу**. Из уважения и любви к своим близким я уступаю их просьбам, понимая, что я не имею морального права подвергать их новым испытаниям и душевным страданиям, которые неизбежны при новом судебном разбирательстве. Я не хочу подвергать их жизнь опасности, не желаю, чтобы мы все еще раз заново прошли этот круг ада.

Я отзываю свою жалобу, но хочу чтобы Вы знали, что я остаюсь при своем мнении и никто и ничто не может изменить его. Я не верю в справедливость вашего суда. Да и что вы

можете, хотя и называетесь **Верховным Судом**? Вы бессильны, что-либо изменить. Ваш суд хоть и называется Верховным, но права и полномочия его весьма ограничены. Даже если вы и установите истину — вы не можете поправить решение суда первой инстанции, усилить наказание, не можете привлечь судью к ответственности за несправедливость вынесенного решения. Ну пошлете вы дело на новое судебное разбирательство — и что? Вы можете быть уверены в том, что новое разбирательство восстановит Правду и Справедливость? Нет, даже у Вас нет и не может быть такой уверенности. И у меня тоже. А вот то, что честь мундира, неважно как, будет защищена, я в этом уверен.

Сейчас я понимаю, что только в том случае, если в жизни человека произойдет что-то из ряда вон выходящее, душа его преображается и пробуждается к настоящей жизни и он способен видеть мир без прикрас, таким, каков он есть в действительности. Зачастую только смерть, безумная смерть близких и дорогих для него людей способна разбудить его от кошмара жизни, в котором он живет, чтобы он наконец увидел всю ложь, в которой мы живем, что наша реальность, в которой мы пребываем, ничего не может вызывать у здорового, нормального человека, кроме ужаса и отвращения. Он вдруг отчетливо начинает понимать, что весь мир лежит во Зле, что он живет в атмосфере Лжи, обмана и лицемерия. Может быть, человек не сможет сразу разглядеть всю Правду и сказать, что она ему может дать. Но он отчетливо начинает понимать, что ложь, которую мы обоготворяем, ничего нам не дала и не дает, кроме разочарований и страданий.

Смерть Марии и Александра пробудила меня, заставила по-иному посмотреть на свою собственную жизнь и жизнь других, на общество, в котором мы живем. Она помогла мне еще раз понять и поверить, что Справедливость и Правда есть на Земле, но за них надо постоянно бороться. Именно в борьбе за них утверждается Добро, и мы реально оказываем сопротивление Злу, в каком бы обличье оно не выступало.

Надо всем нам постоянно преодолевать в себе раба, избавляться от всех оков иллюзий, в которых мы живем, от

чувства безысходности и безумного отчаяния, которые порождает в нас тупая, серая и безнадежная жизнь, оскорбляющая, унижающая нас и делающая нас бессильными, неспособными к сопротивлению. Истомилась душа моя от горести, не утихает боль невозвратимой утраты самого дорогого, что есть у человека — ребенка своего, не пройдет сердечная боль и скорбь о несостоявшейся жизни. Но никогда не пройдет, не исчезнет в душе моей негодование и ненависть к убийцам, совершившим это злодеяние, возмущение равнодушием и бессилием властных государственных структур, которые позволили совершиться этому злодеянию, не наказали убийц по Справедливости и Закону.

Ну скажите мне, Вы — председатель Верховного Суда России, глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович, разве можно забыть все это, разве можно смириться с безнаказанностью убийц, с несправедливым Приговором Суда, разве можно спокойно после этого жить?

Утешает меня вера моя в то, что за безвинно убиенных детей наших Господь пошлет бездонную кару не только убийцам, но и всем тем, кто вольно или невольно, но своими прямыми умышленными действиями или равнодушием, бездействием своим оправдывает убийц, покрывает их, обогащая и себя кровью невинных. Господь всем все воздает по заслугам. А разве у судей, адвокатов нет детей, внуков? Они что, не боятся оказаться в нашем положении? Кто знает? Неисповедимы пути Господни. Или они абсолютно уверены в том, что их может миновать чаша сия? Никто не должен забывать о том, что Вездесуще и Сурово Око Божье.

Очень хотел бы, чтобы меня слышали все судьи, адвокаты и поняли, что **жизнь людей на Земле будет до тех пор иметь непреходящую ценность, пока будет торжествовать Справедливость.**

Надо всегда помнить, что при принятии судебного решения, особенно, если речь идет о наказании виновных в совершении убийства с отягчающими обстоятельствами, судьи всегда стоят перед выбором — или встать на сторону Справедливости и наказать убийц строго по закону, или же смягчить приговор, обрекая себя на соучастие в казни невин-

ных и пачкая свои руки в крови жертв. Другого выбора нет и быть не может — или-или, середины нет.

Великая трагедия современной России заключается в том, что ее казнит, истязает не только криминал, но и, к горькому сожалению, — несправедливый Закон и Суд, и нынешняя практика чрезмерной «либерализации», «политизации» уголовной юстиции. Россия наша сейчас на Голгофе распята. Криминал безнаказанно творит Зло. Около 100 000 российских граждан — молодых и старых, бедных и богатых, студентов и ученых, предпринимателей и государственных деятелей — ежегодно становятся жертвами криминала. Такого разгула убийств никогда еще не было в истории России. Вся Россия превратилась в бандитскую зону.

Криминал присвоил себе право на «высшую меру» — смертную казнь, — и нагло, безнаказанно применяет ее, что свидетельствует о его силе и о слабости государства, которое добровольно отдало это право криминалу. Самое печальное, что существует специальная «либеральная идеология», которая обосновывает якобы правильность этой позиции государства, что наносит непоправимый вред политике нашего государства в укреплении правового порядка в стране. Представители этой «либеральной идеологии», так называемые правозащитники, борясь с «репрессивностью» существующей уголовной практики, борясь за ее «либерализацию», переходят дозволенную грань и ударяются в крайность, которая порочна и вредна, когда они полностью игнорируют право жертв преступлений и становятся на защиту преступников и убийц, на путь оправдания злодейства. Я убежден, что «правозащитная философия» — это философия преступников и убийц, ибо она обосновывает и защищает их право на снисходительность и безнаказанность со стороны общества, Закона.

Криминал объявил тотальный террор всем гражданам, всему обществу. Законопослушные граждане от страха за свою жизнь, детей своих и близких прячутся за решетками окон и железными дверями в своих квартирах и дачах, а криминал пирует, гуляет на свободе и ничего и никого не боится. Общество в состоянии страха, тревоги и неуверенности.

Люди теряют доверие к государству, которое не может защитить их, обеспечить им личную безопасность. Власть демонстрирует свое бессилие.

Только восстановив Справедливость Закона и Суда, восстановив право Суда в соответствии с Конституцией и Уголовным кодексом РФ приговаривать к смертной казни всех злодеев, проливших невинную кровь, совершивших убийство с отягчающими обстоятельствами, покончив с безответственной и преступной по существу судебной практикой «мягких», «либеральных», «гуманных» приговоров, можно переломить ситуацию в стране. Что для этого надо? Политическая воля, решимость и единодушие всех властных структур государства — МВД, Прокуратуры, Суда, Государственной Думы и высшего руководства страны.

Я убежден, что смертная казнь нужна в России, и так считают миллионы людей, более 70% населения страны. Я удивляюсь, как можно игнорировать это. Или маленькая, хорошо оплачиваемая горсточка либералов больше знает, что сейчас нужно для России и народа ее? Общество должно решительно защитить себя от криминала, и это вполне возможно в рамках Закона и Правосудия.

Никто не знает, что нам уготовано Господом. Мы можем и должны надеяться на лучшее.

Я хочу верить в то, что не напрасно пролита кровь наших детей, хочу надеяться, что Справедливость Закона и Суда восторжествует в России и убийц всегда будут наказывать по Справедливости.

В.И. Добреньков

*Декан социологического факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
доктор философских наук, профессор*

12 февраля 2003 года